

**Валентин
БАЮКАНСКИЙ**
г. Липецк

ЧЕЛОВЕК-ЛЕДОКОЛ

140-летию русского писателя
Евгения Замятина посвящается

18 апреля 1970 года, перед самым столетием со дня рождения Владимира Ленина, в Лебедяни произошло необычное событие, почти не замеченное горожанами. В лебедянской районной газете «Путь Октября» появилась небольшая статья о писателе-земляке Евгении Замятине. В то время имя автора всемирно известного романа «Мы» мало что говорило не только лебедянкам, но и большинству граждан Советского Союза. Отсутствие достаточной информации о писателе помогло выходу статьи, которую разрешили в печать, сославшись на наличие произведений Замятина в библиотеке Ленина и высокую оценку его творчества Максимом Горьким. Как ни странно, но такие курьёзы в истории случаются. Автор публикации краевед Пётр Черменский, осуждённый в 1931 году по «делу краеведов», видимо, и сам точно не знал многих фактов из жизни Замятина, а о некоторых благоразумно посчитал умолчать.

Да и что могли знать лебедянцы о писателе-земляке Евгении Замятине в 1970 году? Его родители ушли в мир иной в первой четверти XX столетия, тетьа Варвара скончалась в 1931 году, сестра Александра переехала из Лебедяни в

Тамбов, сам же Замятин умер в 1937 году в Париже. Остальную достоверную информацию о Евгении Ивановиче компетентные органы постарались предать забвению.

И только теперь, спустя многие годы, появилась возможность восстановить реальный облик Евгения Ивановича Замятина, удивительная судьба которого может стать основой не менее интересного произведения, чем его собственные романы и повести. Однако феномен «советского иностранца», еретика и мечтателя, модерниста, чарующего лирика и изощрённого стилизатора, сумевшего остаться самим собой, несмотря на череду тяжелейших обстоятельств, остаётся до конца не разгаданным, а значит, будет привлекать к себе внимание не только наших современников, но и потомков.

Всё не так, ребята

Английский литературовед Джули Куртис, автор полной биографии Замятина, удачно расцвеченной малоизвестными фактами из жизни писателя, говоря о Евгении Ивановиче, точно подметила: «Замятин всегда был верен себе, он не был оп-

портунистом, скорее любил находиться в конфронтации. Изучение жизни писателя позволяет понять особенности его моральной и политической позиции, которая, по сути, и определила его положение в двух мирах: в СССР 20-х годов и во Франции 30-х, где ему постоянно приходилось говорить вслух о своих внутренних убеждениях. Он не принадлежал своему времени, всегда находясь в оппозиции к господствующим идеологиям и культуре. Он также никогда до конца не срастался с местом, где жил, будь это провинциальная Лебедедь, буржуазная Англия, советский Ленинград или эмигрантский Париж».

Когда я в присутствии местных литераторов упомянул о том, что Евгений Замятин нелестно отзывался о родной Лебедеди, тут же услышал в ответ, что так порядочные люди не поступают и что нет в нём никакого патриотизма. Однако такое утверждение является скороспелым и поверхностным. Нужно знать и понимать своеобразный характер писателя, чтобы рассуждать о его жизненной позиции. Это был человек, живущий сам по себе, как бы вне времени, мало подверженный тем правилам и нормам, которые соблюдали окружающие его люди. Казалось бы, он взирал на происходящее со стороны, но при этом посвятил свою жизнь отстаиванию прав и свобод граждан, на которых якобы не обращал внимания.

Несмотря на то что Замятин неоднократно приезжал в Лебедедь, где он родился и где ему хорошо работалось, он, тем не менее, часто жаловался в письмах на свой родной городок: «Ай, миленькая, – писал он своей жене Людмиле, – презираю Лебедедь, как Вы также. <...> Ужасно, миленькая, ужасно: какая презренная Лебедедь». Действительно, может показаться, что писатель обладал непомерными амбициями, но Замятин не был высокомерным. Он имел разум инженера и душу протестанта, называя себя еретиком. Таково было его видение мира. В любых обстоятельствах Евгений Иванович оставался верен себе. Даже в мелочах подчёркивал свою независимость от всяческих обстоятельств. Об этом он откровенно высказывался в письмах, предназначенных жене и друзьям.

Направляясь в Англию в длительную командировку, связанную со строительством ледоколов, Замятин узнал, что в Христиании (Осло), через которую пролегал его путь, разница с Россией составляет один час. «Но я <часы> упорно не перевожу, – пишет он своей жене. – Не переведу и в Англии, где разница будет уже один час сорок минут. Так выйдет, что как будто режим не изменится: буду поздно ложиться, поздно вставать».

Приехав в 1916 году в крупный индустриальный

город Ньюкасл на северо-восточном побережье Англии (а это далеко не провинциальная Лебедедь того времени с её шеститысячным населением), где ему предстояло работать, Замятин пришёл в смятение: «Все улицы, все жилые дома – одинаковые, как амбары хлебные в Питере возле Александрово-Невской лавры». Подобное впечатление (кроме Глазго) произвели на писателя и другие английские города. Направляясь в Лондон, Замятин описывал увиденное: «Езды часов шесть. И мимо мелькают всё те же амбарные города, одинаковые, стриженные под нулевой номер. Ужас, какое отсутствие воображения».

Первые месяцы, проведённые в Англии, ознаменовались для Замятина творческим упадком. В письме к своему другу-библиофилу Якову Гребенщикову Замятин жаловался: «За все пять месяцев не написал я строчки путной, будучи весьма занят пианством и блудом».

Не по душе пришёлся Замятину не только внешний вид «амбарных городов», но чужда была сама суть английской жизни, что не мешало все последующие годы Замятину изображать из себя англичанина. «Изголодался я тут в Англии: мяса – сколько хочешь, а людей – мало», – жаловался он в письме редактору и издателю Виктору Миролюбову.

Живя в царской России, Замятин хлёстко, порой с издёвкой критиковал в своих произведениях недостатки, присущие не только господствующему классу, но и низшим слоям населения. Вернувшись домой из Англии, Замятин продолжает «идти на грозу». На этот раз он критикует власть большевиков, возмущаясь тем, как новоявленные малограмотные управленцы низводят деятелей искусства до послушных слуг.

Являясь истинным мыслителем, Замятин всегда считал, что искусство не должно служить классу, находящемуся у власти, ведь это может привести только к раболепству: «Писатели должны смотреть дальше дня сегодняшнего, обращаясь к будущему». Интересно, известно ли мнение писателя большинству современной пишущей братии? В любом случае это ценный совет для создания истинных литературных произведений.

Я ЧЕЛОВЕК МЕТАЛЛИЧЕСКИЙ

Для Корнея Чуковского и других советских поэтов и писателей Замятин был «милым парнем», но при этом умудрялся сохранять дистанцию. Вежливое обращение Замятина не гарантировало дружеских откровений и сердечных излияний чувств. Может быть, поэтому коллеги, тесно общавшиеся с Замятиным, иногда характеризовали Евгения Ива-

новича не с самой лучшей стороны. «Думаю, – писал Борис Пильняк в 1921 году о Замятине, – что его несчастье, что он как человек почти совсем как инженер и почти совсем не писатель (вещи плохо совместимые), как человек он не очень выигрышен, а человек он талантливый и умный».

Сложные отношения складывались у Замятина не только с коллегами, но и с близкими людьми. Существовали серьёзные расхождения в мировоззрении писателя с отцом-священником, общественные заслуги которого сын высоко ценил. Однако, в отличие от отца, Евгений был ярким атеистом, шокирующим читателей своими провокационными антирелигиозными произведениями. Это тем более удивительно, что Замятин рос в религиозной семье. Его родители были истинными верующими, и отношения взрослых с детьми были вполне дружескими. Возможно, в раннем детстве или в юности у Замятина произошло что-то весьма неординарное, после чего тот твёрдо отринул веру. Как тут не вспомнить Марину Цветаеву, с юности жёстко отстаивающую независимость духа и вступившую на путь нескрываемого еретичества. К сожалению, этот вопрос биографы Замятина не раскрывают или почему-то обходят.

Сложными и неординарными были у Евгения Ивановича отношения с любимой женой Людмилой. Только в последнее десятилетие их супружеской жизни они по-настоящему сблизились.

Иногда Замятин сердечно признавался в любви тогда, когда делать это было уже поздно. Создавалось впечатление, что он старательно скрывал свои добрые чувства и привязанности к другим. Так случилось, что Евгений Иванович не успел вовремя приехать к умирающему отцу, а затем и к умирающей матери. Он появился в родном доме, когда родители уже отошли в мир иной. Переживания от произошедшего были настолько сильны, что Замятин впал в состояние «окаменелого нечувствия». В письме к супруге Людмиле он с горечью писал: «И вот в столовой, около лампы, мы сидим втроём: тетя Варя, Женя (племянник) и я. А мать лежит в неоплаченном зале. И никогда уж больше я её не увижу – а еще хуже, что она меня никогда не увидит. Хуже – потому что она меня любила, конечно, в десять раз больше, чем я её. А мне теперь горько, что мало, сравнительно, о ней заботился. Так много мелочей, пустяков, которые ей могли доставить радость. И – уж поздно».

Странно, что всё вышло так же, как с моим отцом: так же – в тот же день, в субботу, – заболела, в тот же день – в пятницу – конец, и так же – в воскресенье – приехал я на несколько часов позже, чем нужно».

Когда скончался Александр Блок, Замятин тут же сообщил об этом Чуковскому: «Вчера в половине одиннадцатого утра умер Блок. Или, вернее, убит – пещерной нашей, скотской жизнью. Потому что его ещё можно было спасти, если бы удалось вовремя увезти за границу. 7 августа 1921 года – такой же невероятный день, как тот – 1830 (1837) года, когда узнали: убит Пушкин. Я человек металлический и мало, редко кого люблю. Но Блока – любил, и вот – знать, что он умер, – ну, да что говорить...» Замятин считал, что мир потерял благородного и доброго идеалиста.

Тяжело переживал Замятин и смерть поэта и писателя Фёдора Сологуба. На панихиде, состоявшейся в Союзе писателей 7 декабря 1927 года, Евгений Иванович сказал: «Для русской литературы 5 декабря 1927 года – такой же день, как 7 августа 1921 года <день смерти Блока>. Со смертью каждого из них перевёрнута незабываемая страница в истории русской литературы».

В июне 1926 года Замятин написал письмо поэту Ивану Ерошину, в котором были такие строки: «Я себя счастливым человеком никак не могу назвать: мне всё мало, что есть, и всегда – нужно больше. И мне часто трудно – потому что я человек негнувшийся и своевольный. Таким и останусь».

РУССКИЙ ИНОСТРАНЕЦ

Оказавшись в большевистской России после полуторогодовой командировки в Англии, Замятин, будто не замечая революционных изменений, продолжает вести себя как иностранец. Его облик, манера говорить ровным голосом, одеваться, принимать гостей и присущий ему не нагусской педантизм свидетельствуют о том, что для Евгения Ивановича стала привычной манера поведения английского джентльмена. «Худощавый, чисто выбритый, с рыжеватыми волосами, сбоку разделёнными пробором, всегда в твидовом костюме и с «неугасимой» трубкой в большом рту, он действительно походил на англичанина», – вспоминал о Замятине писатель Марк Слоним.

Зимой Замятин рубил дрова, держа во рту английскую трубку, а затем садился за рояль и играл этюды и ноктюрны Скрябина. Мать Евгения Ивановича Мария Александровна была одарённым человеком, много читала, прекрасно играла на рояле. Музыка обучила всех своих детей, и благодаря ей Замятин великолепно играл на фортепьяно.

Свой образ иностранца Замятин поддерживал долгие годы. Приехав в 1923 году на отдых в Крым к Волошину, Евгений Иванович «привёз кучу костюмчиков – каждый час в другом, английский про-

бор (когда сломался гребешок, он стал причёсываться вилкой), и влюбляться в него стали пачками», – вспоминал Чуковский.

Замятин производил впечатление иностранца не только своим внешним видом и манерой поведения, но и образом мыслей. Он сразу же почувствовал возникшую враждебность к новой власти. Несогласие с происходящим Замятин выразил в своих литературных произведениях и публицистических статьях, используя новую манеру повествования.

До поездки в Англию произведениям Замятина были характерны «несколько искусственная примитивность», злоупотребление архаизмами и диалектизмами. «Стиль Замятина лебедянский, такая его и речь – Москва, вышедшая в степь половецкую», – писал о творчестве Замятина один из наиболее ярких стилистов в русской литературе Алексей Ремизов, с которым Евгения Ивановича часто сравнивали критики. После заграничной командировки стиль Замятина стал более лаконичным и менее красочным, структура текста приобрела выразительную раздробленность.

Изменение манеры письма сразу заметили критики, посчитав, что отход от русскости к европейскому мышлению пошёл автору во вред. «Замятин – западник, он гораздо более «свой» в Лондоне и Диккенса, и Уэллса, чем в «уездном», – писал один из них. Советский литературовед-испанист Давид Выгодский придерживался подобного мнения: «Основной тон Замятина не русский, не привычный для нашей литературы, не органически в ней развившийся, а привнесённый. Целый ряд особенностей его, и прежде всего своеобразный юмор, приближает прозу Замятина к английской».

Страстным политическим гротеском наполнены едкие сказки, написанные писателем в 1917 году о Фите – существе, самопроизвольно заведшемся в подполье полицейского правления: «Пола – преимущественно мужского, красная сургучная печать за номером на верёвочке болтается». И когда этого Фиту назначили губернатором, стал он вольных граждан заставлять маршировать и петь ему хвалебные песни, обязывал всех жить в казармах, брить головы и носить одинаковые серые мундиры с пронумерованными металлическими значками на груди. Возникающие проблемы Фита решал предписаниями, обязывающими граждан выполнять его указания: «Предписание № 666. Сего числа, вступив надлежаше в управление, голод в губернии мною строжайше отменяется. Сим строжайше предписывается жителям немедля быть сытыми».

Когда мужикам надоели бестолковые, идущие

вразрез с реальной жизнью приказы Фиты, странного губернатора вытащили из канцелярии и стали по-мужицки учить: «И рассказывают, кончился Фита так же не по-настоящему, как и начался: не кричал и ничего, а только всё меньше и меньше, и таял, как надувной американский чёрт. И осталось только чернильное пятно да эта самая его сургучная печать за номером.

Поглядели жители: антихристова печать. В тряпочку завернули, чтобы руками не трогать, и закопали у ограды кладбищенской».

Свои произведения Замятин специально назвал сказками. Кто будет обижаться на сказочных персонажей? Но в этих сказках намёки были слишком очевидными, чтобы не понять, о чём шла речь.

Критиковал Замятин действия новой власти и в сказке «Великий ассенизатор»: «Но сумасшедшие ассенизационные помпы слепы: мобилизацией для Гражданской войны выкачиваются последние соки из голодных рабочих; высасываются из слабых остатки веры в возможность устроить жизнь без пришествия варягов».

Произведения Замятина воспринимались большевиками болезненно. Ведь в статье «О лакеях», сказке «Херувимы» и рассказе «Дракон» Замятин жёстко осуждал насилие. Так, статья «Бунт капиталистов», написанная Замятиным после расстрела красноармейцами голодной демонстрации в пригороде Петрограда Колпино 9 мая 1918 года, заканчивалась такими строками: «Представители рабоче-крестьянского правительства ради свободы и блага русских рабочих и русских крестьян готовы пожертвовать всем – даже русскими рабочими и крестьянами. И не могут пожертвовать только одним: собою, своей властью, властью бесчисленных комиссаров». В 1919 году Замятин призвал власти прекратить революционные разрушения, какими бы необходимыми они ни казались: «Пулемётом нельзя пахать. А пахать давно уже пора».

Но самым серьёзным обличением репрессивной политики большевиков и осуждением насильственного единения людей стал его роман-антиутопия «Мы». Это был своеобразный ответ поэту-пролеткультовцу Владимиру Кириллову, провозгласившему своим стихотворением-манифестом «Мы» всемерную поддержку революционной власти и озвучившему цели новой культуры пролетарского человека. В своей статье «Я боюсь» Замятин так охарактеризовал литераторов, подобных Кириллову: «У всех пролеткультцев революционнейшее содержание и реакционнейшая форма. Пролеткультское искусство – пока шаг назад, к шестидесятым годам». Евгений Иванович видел, что новоявленные творцы пыта-

ются заменить настоящее искусство бутафорией громких лозунгов. Ведь Кириллов утверждал: «Всё – мы, во всём – мы, мы – пламень и свет побеждающий, Сами себе Божество, и Судья, и Закон». Однако, что интересно, один написал «Мы», фанатично веря в идеалы мировой революции, но был расстрелян большевиками в 1937 году, другой же предсказал репрессии и уничтожение свободы слова в романе «Мы» – и умер во Франции своей смертью в том же 1937 году.

Создавать заказные материалы и выдавать желаемое за действительность Замятин не хотел, да и не мог. Не мог он и молчать. Объясняя, почему это делают другие, Евгений Иванович писал: «Главная причина молчания – не хлебная и не бумажная, а гораздо тяжелее, прочнее, железней. Главное в том, что настоящая литература может быть только там, где её делают не исполнительные и благонадёжные чиновники, а безумцы, отшельники, еретики, мечтатели, бунтари, скептики. А если писатель должен быть благоразумным, должен быть католически-правоверным, должен быть сегодня полезным, не может хлестать всех, как Свифт, не может улыбаться над всем, как Анатолий Франс, – тогда нет литературы бронзовой, а есть только бумажная, газетная, которую читают сегодня и в которую завтра завёртывают глиняное мыло».

АНТИУТОПИЯ, ПОБЕДИВШАЯ ВРЕМЯ

В романе «Мы» Замятин обличал не только большевистскую власть, стремящуюся насилием и постулатами о счастливом будущем превратить общество в послушное стадо, но и непомерную власть западной технократии, которая стремительно изменяла мир. Своему другу художнику Юрию Анненкову, восхищавшемуся мощью и красотой технологий, Евгений Иванович отметил: «Будет время, когда во всём – только организованность и целесообразность, когда человек и природа обратятся в формулу, в клавиатуру». И грустно добавил: «В упрощённом мире будущего не будет необходимости ни в цветах, ни в деревьях, не говоря уже о музыке, и из прошлого сохранится только железнодорожное расписание».

Замятин начал предлагать советским издательствам написанный роман, но его под любыми предлогами не печатали, понимая, чем грозит издание такого произведения. Даже большой любитель «до пикантного» издатель Самуил Алянский написал Замятину в октябре 1922 года: «Теперь о делах. Ваш последний роман настолько неприличен, что, несмотря на то, что почти весь свет о нём

знает, я не решился, правда, по Вашей просьбе (совесть всё-таки замучила), его рассказывать всем. Это обстоятельство меня очень огорчает».

То, что роман «Мы» не будет издан в стране Советов, писатель прекрасно понимал, поэтому, осознавая важность написанного, всячески старался издать его за рубежом, предлагал разным издательствам, хотя официально отрицал собственную инициативу. Первая полная публикация романа на русском языке состоялась в Нью-Йорке лишь в 1952 году. В СССР он не издавался как «идеологически враждебное» и «клеветническое» произведение.

Видя, что «Мы» не хотят печатать, Замятин начал активно выступать с публичными чтениями романа. Впервые с чтением отрывков из «Мы» Замятин выступил в московском Доме учёных 14 декабря 1922 года. В январе 1923 года Замятин устроил читку произведения на собрании в редакции «Всемирной литературы». Однако здесь не обошлось без ложки дегтя со стороны Чуковского, с которым Замятин находился в приятельских отношениях: «Ой, как скучно, и претенциозно, и ничтожно то, что читал Замятин. Ни одного живого места, даже нечаянно...» Присутствуя при очередной читке романа, Чуковский высказался о произведении с ещё большей антипатией: «Роман Замятина «Мы» мне ненавистен. Надо быть скопцом, чтобы не видеть, какие корни в нынешнем социализме. <...> В одной строке Достоевского больше ума и гнева, чем во всём романе Замятина». Что можно сказать о такой жёсткой оценке произведения? Называя Замятина скопцом, Чуковский оказался литературным слепцом. Возможно, он специально писал эти строки, предполагая, что их смогут прочитать компетентные товарищи из соответствующих органов, благодаря чему он сможет получить определённую индульгенцию. Как бы там ни было, но Чуковский показал себя здесь с весьма неприглядной стороны.

В начале февраля 1924 года роман «Мы» Замятина был официально запрещён. Поэт Всеволод Рождественский, тайно прочитав его, написал Замятину: «Мне кажется, меня давно так не волновала книга наших лет».

Несмотря на различные суждения современников о романе «Мы», Замятин сумел создать произведение, которое не только подтвердило предсказания автора об опасности всё подавляющей «народной» диктатуры и непомерного развития технического прогресса, но и не утратило своей актуальности и спустя сто лет после его создания.

После выхода романа Замятина прошли годы, но боязнь быть самостоятельной личностью у многих

осталась. В 90-е годы прошлого века я видел документальный фильм, в котором один из подростков искренне заявлял: «Я хочу быть как все. Я не хочу, чтобы на меня обращали внимание. Я даже одежду ношу серую, чтобы не выделяться».

Свой очерк «Вечный спор бытия. Я или Мы», посвящённый роману Замятина, я закончил такими словами: «После создания Замятиным романа «Мы» прошло сто лет, однако нынешние власти с ещё большим упорством продолжают вмешиваться в жизнь своих граждан. Расширяя глобализацию и используя достижения технического прогресса, пытаются поставить под свой контроль всё и вся. Может быть, поэтому антиутопии до сих пор так актуальны и востребованы».

Сегодня роман «Мы» по праву считается лучшим в творчестве Евгения Ивановича и воспринимается нашими современниками как литературная классика.

ЧЕЛОВЕК-ЛЕДОКОЛ ЕВГЕНИЙ ЗАМЯТИН

В Англии в 1917 году под наблюдением морского инженера Замятина были построены для России самые мощные в мире арктические ледоколы «Святогор» (позднее «Красин») и «Святой Александр Невский» (позднее «Ленин»). Будучи классным специалистом, работающим над созданием могучих ледоколов, Замятин так писал об этих кораблях: «В поперечном разрезе ледокол похож на яйцо – и раздавить его так же невозможно, как яйцо рукой». Прочитав эти строки, я сравнил Замятина с ледоколом – кораблём, прокладывающим свой путь через многочисленные ледяные торосы – жизненные препятствия – там, где обычные люди стараются не ходить. И вспомнил, как один мой приятель охарактеризовал нашего общего знакомого: «Снаружи он мягкий, пушистый, но внутри него – стальной стержень, который трудно поломать. И поэтому он всегда будет упорно отстаивать свою линию». Подобное можно сказать и о Замятине: внешне чистый, сытый, всегда ухоженный, с неизменной лёгкой ухмылкой и хитринкой в глазах – милейший человек, однако внутри него – стальной стержень, помогающий ему отстаивать убеждения при любой власти в любой стране.

Корней Чуковский, работающий вместе с Замятиным в издательстве «Всемирная литература», нарочито представлял коллегу таким мечтателем-чистоплюем, бутафорски изображающим себя политическим бунтарём. Он язвительно называл Замятина тамбовским англичанином, плохо знающим английскую жизнь и английскую литературу. Ему вторил Маршак, пренебрежительно от-

зывающийся об английском произношении Замятина. По мнению Чуковского, Евгений Иванович умело и осторожно будировал против властей – в меру, лишь бы понравиться эмигрантам. Трудно поверить, чтобы Чуковский действительно не понимал Замятина. Тем более что после некоторого охлаждения отношений между ними Замятин написал Чуковскому: «Я знаю, что вот если меня завтра или через месяц засадят (потому что сейчас нет в Советской России писателя более неосторожного, чем я) – если так случится, Чуковский один из первых пойдёт хлопотать обо мне. Но в случаях менее серьёзных – ради красного словца или чёрт его знает ради чего – Чуковский за милую душу кинет меня к Толстому или ещё кому».

Скорее всего, частые негативные, порой уничтожительные оценки Корнея Ивановича были продиктованы определённой ревностью к популярности Замятина и завистью к его принципиальности, которой не было у самого Чуковского. Евгений Иванович казался ему осторожным, потому что понимал, в какой стране живет. Однако несмотря на якобы внешнюю политическую неангажированность, Замятин был весьма смелым и активным общественным деятелем, человеком, для которого личные принципы, такие как свобода слова, свобода выбора религиозных, жизненных и сексуальных ориентиров, были гораздо важнее, чем собственные благополучие и безопасность. Эту принципиальную позицию Замятина очень ценила Анна Ахматова. За защиту прав граждан Замятина несколько раз сажали в тюрьму: и при царской власти, и при большевиках. Когда он, будучи студентом политехнического института, увлёкся социалистическими идеями и готов был вступить на путь революционера, став членом боевой группы штаба РСДРП(б) Выборгского района, его на три месяца посадили в одиночку, а затем, после прошений матери и руководства института о снисхождении, запретили проживание в столичных городах.

Во время Первой мировой войны, когда российские средства массовой информации активно раздували националистические настроения, Замятин выступал с антивоенных позиций. В запрещённой цензурой повести «На куличках» (1914) он «в самом отталкивающем виде» описал внутренний быт небольшого военного отряда на Дальнем Востоке. За это произведение Евгений Иванович был даже привлечён к суду и сослан в уездный город Кемь Архангельской губернии.

Подвергался гонениям Замятин и при Советской власти. В 1919 году он вместе с Блоком, Ремизовым, Ивановым-Разумником и Петровым-Водкиным был арестован и провёл ночь на

Гороховой в доме ЧК. Аресты были связаны с «эсерским заговором», хотя Замятин к эсерам не принадлежал. Вопрос о его высылке дважды обсуждался на Политбюро. В итоге он был отпущен «без последствий».

В 1922 году Замятин был включён в списки на высылку из Советской России, а 17 августа арестован с резолюцией «высылка отсрочена до особого распоряжения». Выйдя из тюрьмы ГПУ, в которую он попал по обвинению в антисоветской деятельности, Евгений Иванович написал известному советскому критику и писателю Александру Воронскому: «Необходимо научиться понимать, что белые – вовсе не те, кто видит недостатки в происходящей жизни, ошибки во всём, что творится кругом, и имеет смелость говорить о них. И красные – вовсе не те, кто с утра орёт ура всему, что ни делается».

Однако признать собственные ошибки крайне трудно, тем более если на совести власти находятся тысячи загубленных жизней ради «светлого будущего» трудового народа. Видимо поэтому революционер-большевик Воронский, похвалив многие рассказы писателя, раскритиковал рассказ «Дракон» и роман «Мы». «Лежит у меня от Пильняка полученный роман «Мы». Очень тяжёлое впечатление. По совести. Неужели только на это вдохновил вас Октябрь и что после было до наших последних дней? Какая же это «самая шуточная и самая серьёзная вещь»? Самая мрачная и мизантропическая. Рано ещё по нас такими сатирами стрелять. Как-то не туда, куда нужно, вы смотрите». Видимо, Воронский тоже смотрел «не туда» – он, как и Троцкий, осуждал принципы пролеткульта и выступал за привлечение в советскую литературу интеллигенции, поэтому в 1937 году был расстрелян.

Замятин и в последующих произведениях выяснял отношения с властью, критикуя продолжающееся с её стороны насилие. В 1925 году он начал работу над пьесой «Атилла». «Эпоха – очень далёкая и очень близкая», – писал о ней Замятин. Однако через несколько месяцев работы Евгений Иванович почувствовал, что ничего хорошего из этого не выйдет: «Получается какая-то советская пьеса. Это у меня-то!»

ДЛЯ ВСЕХ ЧУЖОЙ

Из-за участившихся нападок в печати Замятин в начале октября 1929 года опубликовал в «Литературной газете» письмо, в котором заявил о выходе из Всероссийского союза писателей. Тут же началась откровенная массивованная травля писателя: его перестали печатать, книги Замятина были запрещены к выдаче из библиотек. Замятинскую

«Блоху», шедшую до этого с большим успехом во МХАТе, сняли с репертуара, а новую пьесу «Атилла» запретили к постановке. Это известие стало для Замятина поистине трагедией, после чего окончательно пришло понимание тщетности всяческих попыток изменить сложившееся положение. Дело к тому же осложнялось историей с романом «Мы» и повестью «Красное дерево» Пильняка, изданными за рубежом.

Замятин, как и его друг – писатель и драматург Михаил Булгаков, был вынужден написать письмо лично Иосифу Сталину, потому что прежние обращения к влиятельным советским чиновникам, в том числе и главе Советского правительства Алексею Рыкову, не приносили результатов. В своём обращении к Рыкову Замятин писал: «В данный момент моё присутствие в Советской России явно излишне – и для Советской России, и для меня».

Доведённый злобными нападками до психического истощения, Замятин однажды сказал своим друзьям, что у него только два выхода: самоубийство или побег за границу. И письмо Сталину стало последней надеждой затравленного писателя. Оно было обстоятельным, раскрывающим суть организованного на него массивованного давления, в результате которого созданы условия, при которых невозможно писать и издавать его произведения. Замятин просил Сталина разрешить ему выезд из СССР. «Для меня как для писателя, – писал Замятин, – именно смертным приговором является лишение возможности писать, а обстоятельства сложились так, что продолжать свою работу я не могу». При этом Замятин честно заявил Сталину о том, что он ни в какой мере не хочет изображать из себя оскорблённую невинность, что он знает, что в первые три-четыре года после революции среди прочего, им написанного, были вещи, которые могли дать повод для нападок. Замятин признался, что у него есть очень неудобная привычка говорить не то, что в данный момент выгодно, а то, что ему кажется правдой. «В частности, я никогда не скрывал своего отношения к литературному раболепству, прислуживанию и перекрашиванию, – писал Замятин. – Я считал – и продолжаю считать, что это одинаково унижает как писателя, так и революцию».

Письмо было эмоционально ярким, порой даже задиристым, что могло серьёзно навредить писателю, ведь он обращался к тому, от кого зависела не только его литературная деятельность, но и жизнь. В своём письме Замятин ссылаясь на писателя Бориса Пильняка, который так же, как и он, был мишенью для критики, и для отдыха от этой травли ему была разрешена поездка за границу. «Почему же то, что разрешено Пильняку, не

может быть разрешено и мне?» – вопрошал Замятин. Пройдёт несколько лет, и «выездной» Пильняк будет расстрелян, а Булгакова за границу так и не выпустят.

В своём обращении к Сталину Замятину удалось показать судьбу писателя-нонконформиста в СССР в условиях, когда искусство вынуждено существовать в строгих партийных рамках. Это письмо, по моему мнению, как исторический документ нужно прилагать к публикациям Замятина, которые изучают в школе и институте.

Тема взаимоотношений личности и коллектива, личности и государства всегда остро волновала Замятина, особенно когда литературе в СССР стала отводиться роль идеологического рупора партии. Боясь прослыть политически неблагонадёжными, многие литераторы были вынуждены создавать произведения, в которых, как выразился Замятин, «звучали нестерпимо фальшивые ноты, оскорблявшие даже невзыскательный слух».

Просьба Замятина, при содействии Максима Горького, к мнению которого Сталин тогда прислушивался, была всё-таки услышана, и в октябре 1931 года Евгений Иванович вместе с женой уехал из СССР.

В своём письме Сталину Замятин пророчески предсказал, что ждёт его вне России. «Я знаю: мне очень нелегко будет и за границей, потому что быть там в реакционном лагере я не могу. Я знаю, что если здесь в силу моего обыкновения писать по советски, а не по команде, меня объявили правым, то там раньше или позже по той же причине меня, вероятно, объявят большевиком». Так и случилось. Замятин стал для всех чужим: для большевиков – хулителем Советской власти, для белоэмигрантов – «красным публицистом».

Приехав в Париж, Евгений Иванович встретился с литературным редактором пражского ежемесячника «Воля России» Марком Слонимом, напечатавшим роман Замятина «Мы», что привело к травле писателя в СССР. Евгений Иванович обстоятельно расспрашивал Слонима о русских эмигрантах. Те считали Замятина чересчур левым. Поэтому отношение писателя к русской эмиграции было тоже весьма сдержанным. «Он ни с кем не znalся, не считал себя эмигрантом и жил в надежде при первой возможности вернуться домой», – вспоминала о Замятине писательница Нина Берберова. Да и сам Замятин в одном из своих писем, адресованных сценаристу Куниной-Александр, замечал: «Здесь парижские люди мне надоели: мало кого вижу, больше коснею в индивидуализме и мизантропии». В этом с ним была солидарна Марина Цветаева: «Мы с ним редко встречались, – писала

она жене Бунина Вере, – но всегда хорошо, он так же, как и я, был: ни нашим, ни вашим».

И Замятин, и Цветаева тщательно охраняли свой внутренний мир от посягательств мимолётных друзей, готовых поступиться идеями и личными принципами ради карьеры и денег. Замятин был в хороших отношениях с Алексеем Толстым, но, тем не менее, отзывался о нём так: «Вот кому «живётся весело, вольготно на Руси» – Толстому! Циник, политический бесстыдник – он плавает как рыба в воде. Отложил сейчас окончание своего «Петра», чтобы написать другой, более «актуальный» роман «Оборона Царицына» – которой, как известно, руководил Сталин. Всё ясно...»

Быть флюгером Замятин не мог. Это стало одной из серьёзных причин его невозвращения в СССР, хотя друзья-литераторы пытались убедить писателя, как хорошо им живётся в советской стране. «Вернуться на родину? – размышлял Замятин. – Но родина до сих пор мне была не матерью, а мачехой. Правда, сейчас как будто положение изменилось, но, боюсь, не для меня. Писатели там живут припеваючи. Но когда я читаю, скажем, в «Литературной газете» эти «припевы» – эту бесстыдную лесть по адресу всякого начальства – у меня начинается жестокий припадок морской болезни. В случае возвращения – в штате льстецов я не буду, а стало быть – останусь писателем «заштатным», обречённым на полное или приблизительное молчание».

Последние годы Евгений Иванович жил во Франции. Продолжал работу над историческим романом об Атилле, выступал с публичными лекциями о современной русской литературе и театре, писал статьи в различные европейские журналы и газеты, активно трудился для театра и кино, которые заметно приглушили его желание заниматься созданием новых рассказов и повестей. «Дела начаты серьёзные – пьесные и фильмовые, и, если бы не этот чёртов кризис, был бы я уже Ротшильдом», – жаловался Замятин своему другу писателю Константину Федину в 1932 году.

Создавая сценарий для французской кинофирмы Gaumont, Замятин писал своему другу литературоведу Сергею Постникову: «Работа очень топорливая, и куда интереснее и нужнее мне было бы писать роман, но... срочно требовались франки, а это дело более или менее франковое».

Евгений Замятин создал несколько добротных киносценариев, самым известным из которых стал сценарий, написанный им в соавторстве с Жаком Компанейцем по мотивам пьесы Горького «На дне». Фильм создал классик французского кино Жан Ренуар, а в роли Васьки Пепла снялся

молодой Жан Габен. В 1936 году картина получила хорошие отзывы прессы и была удостоена национальной премии как лучший художественный фильм 1936 года. Однако, к большому разочарованию Замятина, и в Берлине, и в Голливуде, и в Париже его сценариями интересовались без особой охоты: вежливо выслушивали, но не торопились давать ответ. «Вы очень русский. Вас нельзя приспособить к нашей жизни», – откровенно признались Замятину в Германии. К тому же некоторые из написанных им сценариев не воплощались в театральные постановки и кино и по другим, более прозаическим причинам. Замятин не раз сталкивался с обманом и напрасными обещаниями, которыми его пичкали кинематографические деятели. «Они, за малым исключением, – гангстеры, по которым плачет тюрьма», – отзывался о них Евгений Иванович.

Размышляя о жизни этого неординарного человека, видя, какие трудности ему приходилось преодолевать в России, СССР и Европе, я невольно вспоминал его слова о ледоколах: «Ледокол – такая же специфически русская вещь, как и самовар. Ни одна европейская страна не строит для себя таких ледоколов, ни одной европейской стране они не нужны: всюду моря свободны, только в России они закованы льдом беспощадной зимой – и чтобы не быть тогда отрезанным от мира, приходится разбивать эти оковы.

Россия движется вперёд странным, трудным путём, не похожим на движение других стран, её путь – неровный, судорожный, она взбирается вверх – и

сейчас же проваливается вниз, кругом стоит грохот и треск, она движется, разрушая».

Таким же путём, как и его родина, продвигался Евгений Иванович Замятин – талантливый писатель, публицист, литературный критик, киносценарист и инженер. Он был защитником свободы людей, оказывал посильную помощь молодым писателям и поэтам полезными советами и реальными делами. Как и Горький, заступался за литераторов, попавших в немилость к власти. А когда оказался за рубежом, продолжал заботиться об оставшихся на родине друзьях – отправлял посылки Булгакову и Ахматовой.

В 1937 году сердце Замятина не выдержало непрерывных потрясений и разочарований, и Евгений Иванович скончался в возрасте пятидесяти трёх лет. Он, как и многие бескорыстные подвижники, умер, не нажив миллионов, и был скромно похоронен на непрестижном кладбище Тье. Главным же капиталом Замятина стали его произведения, которые по прошествии ста лет мы продолжаем читать.

Валентин Анатольевич БАЮКАНСКИЙ –

прозаик, публицист.

Родился 2 июня 1959 года в г. Липецке.

Член Союза российских писателей,

член Международной ассоциации писателей и публицистов МАПП.

Действительный член Международной академии русской словесности.

Лауреат литературного международного конкурса

«Балтийский Гамаюн» (Литва) в номинации «Публицистика»

за очерк «Семи смертям не бывать – одной не миновать».

Лауреат областной премии им. Е.И. Замятина.

Награжден медалью «Во славу Липецкой области».

